

С. С. Петряшин

Русские рабочие: формы репрезентации классовой
и этнической специфики на экспозициях
Государственного музея этнографии
народов СССР в 1950-е годы

Петряшин Станислав Сергеевич, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник, s-petryashin@yandex.ru

Доклад посвящен развитию этнографии русских рабочих в Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ) в 1950-х гг. Изучение и репрезентация культуры и быта рабочих в ГМЭ служили производству не только этнических идентичностей, но и классового сознания. Первоначальный импульс, однако, вскоре затух. В начале 1950-х гг. этнографы акцентировали классовые границы между рабочими и крестьянами и видели в культуре рабочих «социалистическое содержание» без «национальной формы». К середине десятилетия различия между классами в научной и экспозиционной работе музея постепенно нивелировались за счет подчеркивания преемственности, общих элементов культуры и этнического единства русских рабочих и крестьян. Классовая проблематика на региональных экспозициях с конца 1950-х гг. ушла на второй план, а советская идентичность нашла воплощение в отдельных обобщенных выставках по современности. ГМЭ на новом этапе вернулся к задаче конструирования и воспроизводства этнических идентичностей.

Ключевые слова: Государственный музей этнографии народов СССР, рабочие, крестьяне, этническая идентичность, классовое сознание.

Музеи справедливо считаются важными инструментами создания социальных идентичностей – гражданских, этнических, локальных, профессиональных и др.¹ Этнографические музеи, в частности, конструируют и воспроизводят этнические идентичности за счет показа многообразия «других» культур и особенностей «родной» для того или иного посетителя культуры. В советское время закреплённая за музеями функция политической пропаганды заставила выйти за привычные рамки. На рубеже 1940–1950-х гг. в условиях идеологи-

ческой кампании по «борьбе с космополитизмом»² перед советскими этнографами была поставлена задача изучения и показа рабочего класса в его прошлом и настоящем. Можно сказать, что этнографы теперь должны были работать на производство не только этнических идентичностей, но и классового самосознания. Как сотрудники этнографических музеев справлялись с проблемой показа классовой и этнической специфики рабочих? Как исследователи подходили к этнографическому изучению урбанизированной культуры, лишенной ярких этнических черт? В настоящем докладе я хочу ответить на эти вопросы на примере этнографии русских рабочих в Государственном музее этнографии народов СССР (далее – ГМЭ) 1950-х гг.

Первая музейная экспедиция для изучения культуры и быта рабочих была организована в 1951 г. В экспедицию на завод «Ростсельмаш» направили А. С. Бежковича (1890–1977). Свое исследование он во многом построил по аналогии с классической крестьянской этнографией³. Это привело Бежковича к выводу, что «рабочий класс, особенно живущий в крупных городах, уже полностью утратил свои этнографические особенности и приобщился к городской более культурной жизни»⁴. Одежда рабочих – обычный городской костюм, мебель – фабричная, характерного типа жилища нет, сельский семейный быт и обрядность также утрачены⁵. Выходом из этой ситуации Бежкович считал изучение культуры рабочих. Им была исследована культура труда (рационализаторство, стахановское движение и пр.), массовый отдых, спорт, воспитание и оздоровление детей, кружковая художественная самодеятельность, многотиражные и стенные газеты. Из-за отсутствия национальной специфики у современных ему русских рабочих Бежкович определял их культуру как социалистическую или советскую.

Другие сотрудники музея в основном разделяли его точку зрения. Так, в методической работе о принципах экспедиционного сбора экспонатов (1952 г.) А. Я. Дуйсбург писала: «У рабочего класса черты национального быта стираются и отсюда особого научного интереса не представляют»⁶. Это относилось не только к советским рабочим. Дореволюционный пролетариат, по мнению Дуйсбург, этнографический музей должен показывать только как «движущую силу революции».

В 1952 г. был подготовлен тематический план экспозиции по русскому народу и вынесен на обсуждение с привлечением специалистов из Ленинградской части Института этнографии. Согласно плану экспозиция должна была размещаться в 7 залах левого крыла первого этажа⁷. Причем материалы, посвященные рабочим и крестьянам, располагались в разных залах. Первые три зала отводились дореволюционным крестьянам (занятия, жилище, одежда, семейный

быт, народное искусство). Четвертый зал предназначался для показа культуры и быта пролетариата рубежа XIX–XX вв., пятый – освещал революционное движение, а шестой – характеризовал современный рабочий класс. Седьмой, заключительный зал должен был демонстрировать успехи колхозного крестьянства, расцвет народного творчества, стройки коммунизма и пр.

На совещании наибольшую критику вызвал раздел по современности, особенно намерение сотрудников ГМЭ всесторонне показать рабочий быт. Сотрудники Института этнографии считали, что силами музея сложно или даже невозможно показать культуру всего русского народа и «сущность современной жизни»⁸. В. И. Герасимова (заведующая русским отделом) не соглашалась с критикой: «Мы заранее отдаем себе отчет, что возможно не удастся показать специфику современного рабочего класса, поскольку мы приближаемся к коммунизму, и грани между национальными особенностями стираются. <...> Мы хотим показать современную советскую культуру, пусть она даже будет тождественной для рабочих грузин, таджиков, русских»⁹. Тем не менее, экспозиция по плану 1952 г. так и не была построена.

Можно заключить, что этнографы начала 1950-х гг. не видели этнической специфики в русских рабочих, подчеркивали их классовое своеобразие и отделяли от крестьян. Культура современных русских рабочих интерпретировалась расширенно как культура социалистическая и советская.

В середине 1950-х гг. этнография рабочих в ГМЭ стала меняться. Так, подход к изучению рабочих Е. Н. Студенецкой и С. А. Павлоцкой, проводивших полевые исследования среди рабочих «Красного Сормова» (г. Нижний Новгород), сильно отличался от такового у Бежковича. Они тоже рассматривали рабочих через призму крестьянской этнографии, но подчеркивали преемственность в их культурах, а не разрыв. Этнографы выяснили, что в прошлом основную массу сормовских рабочих составляли крестьяне из окрестных деревень, но и современные рабочие нередко сохраняли связь с сельским хозяйством¹⁰. В их домашнем питании значительную долю составляли продукты с собственных огородов и садов. Некоторые рабочие даже держали коров, для которых руководство завода выделяло луга и закупало концентрированные корма. Элементы сельской культуры прослеживались и в жилищах сормовских рабочих. В этой теме, по выражению Студенецкой и Павлоцкой, «трудно оторвать старое от нового», ведь в доме XIX в. «живет сейчас новый советский человек, рабочий одного из крупнейших в стране заводов»¹¹. В других сферах жизни преемственности было меньше. Так, в одежде и домашнем интерьере рабочие переняли городскую моду уже в конце XIX в.¹²

Но глаз этнографа улавливал пережитки крестьянского прошлого и в советском настоящем: например, женскую привычку не снимать платок в помещении. Современная культура также раскрывалась на примерах производственного быта, отношения к труду, воспитания молодежи в интернате, библиотеки и книготорга, заводской газеты и художественной самодеятельности. В своем научном отчете Студенецкая и Павлоцкая последовательно сглаживали классовую границу между рабочими и крестьянами. В итоге, исследование сельских корней рабочих позволило увидеть в их культуре и быте этническую специфику.

Если в плане русской экспозиции 1952 г. материалы, посвященные рабочим и крестьянам, располагались по отдельности, в разных залах, то в экспозиции «Русские» 1957–1960 гг. они демонстрировались вместе¹³. Каждый тематический зал, за исключением первого, начинался с развернутой экспозиции крестьянской культуры и заканчивался более скромной репрезентацией рабочего быта¹⁴. Связь между двумя частями подчеркивалась демонстрацией экспонатов, показывающих преемственность культуры рабочих и крестьян. Второй зал показывал эволюцию крестьянина, который, занимаясь отхожими и кустарными промыслами, постепенно вливался в ряды промышленного пролетариата, а также тяжелые условия его труда. В третьем зале связь с крестьянами демонстрировалась на примере жилища («Комната рабочего текстильщика»), в обстановке которого «наряду с городской покупной утварью употреблялись предметы обихода и утвари крестьянского типа»¹⁵. Четвертый зал рассказывал об эволюции рабочего костюма от крестьянского к городскому (к концу XIX в.). Пятый зал переходил от народного искусства, обрядности и праздничной культуры крестьян к развлечениям рабочих и формированию революционного сознания.

Таким образом, к концу 1950-х гг. конструирование классовых идентичностей практически прекратилось, рабочий вопрос отошел на второй план и перестал отвлекать этнографов от «народного» и «национального». Общесоветская идентичность при этом нашла свое воплощение в обобщенных экспозициях по современности. Такая трансформация, вероятно, зависела от общих сдвигов в политике и идеологии «оттепели». В это время значимость классовой риторики постепенно снижалась, что, в частности, выразилось в отказе от идеологемы диктатуры пролетариата и определении советского государства как «всенародного» на XXII съезде КПСС (1961 г.).

---

¹ Clifford J. *The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art*. Cambridge: Harvard University Press, 1988; Stock-

ing G. W. Essays on Museums and Material Culture//Objects and Others: Essays on Museums and Material Culture. Ed. Stocking G. W. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 3–14; Bennett T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. London: Routledge, 1995.

² Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 7–36.

³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 183. А. С. Бежкович Опыт изучения быта и культуры рабочих Ростсельмаша. 1952 г. Л. 24–25.

⁴ Там же. Л. 70.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 192. Очерк А. Я. Дуйсбург «Собирание экспонатов. Принципы экспедиционной практики по собиранию этнографических материалов». 1952 г. Л. 5.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1099. Стенографический отчет совещания по обсуждению тематического плана экспозиции «Русский народ». 1952 г. Л. 5–6.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 9–10.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 214. Е. Н. Студенецкая, С. А. Павлоцкая. Быт соромских рабочих. 1955 г. Л. 12–13, 52.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Там же. Л. 30.

¹³ В экспозиции 1957–60 гг., согласно принципам Генерального плана музея 1956 г., уже не было раздела по современности.

¹⁴ Путеводитель по экспозиции «Русские» (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: ГМЭ народов СССР, 1961.

¹⁵ Там же. С. 43.

UDC 39; 069

S. S. Petriashin

Russian Workers: Ways of Class and Ethnicity
Representation in the Expositions of the State
Museum of Ethnography of the Peoples
of the USSR in 1950s

Petriashin Stanislav Sergeevich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, researcher, s-petryashin@yandex.ru

The article is devoted to the development of ethnography of workers in the State Museum of Ethnography of the peoples of the USSR (SME) in 1950s. Research and representation of culture and everyday life of workers in SME resulted in production not only of ethnic identities, but also of class consciousness. The initial impulse, however, soon faded away. In the beginning of 1950s ethnographers

emphasized class borders between workers and peasants and saw in workers' culture „socialist content” without „national form”. The differences between classes in research and exposition work were gradually diminished by the middle of the decade through highlighting of workers and peasants' continuity, common traits of culture and ethnic unity. Class issues in regional exhibits went into the background since the late 1950s, and Soviet identity was manifested in distinct generalized displays about contemporaneity. SME at a new stage returned to the task of constructing and reproducing of ethnic identities.

Key words: the State Museum of Ethnography of the peoples of the USSR, workers, peasants, ethnic identity, class consciousness.